

УДК 93/94

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ САММИТ В РЕЙКЬЯВИКЕ 1986 г.

©2022 Е.В. Труханович

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 13.12.21

Статья посвящена одному из важнейших саммитов на высшем уровне периода окончания Холодной войны. В ходе реализации обновленной советской международной политики Нового мышления американская сторона с опасением делала ответные шаги на пути слома двуполярного устройства мира. Немало препятствий предстояло преодолеть как СССР, так и США: взаимное недоверие, которое складывалось на протяжении нескольких десятилетий, недостаточная согласованность внутри администрации дипломатических миссий, громкие заявления независимых американских СМИ, противоречивые ситуации внутри разведывательных служб и т.д. Автор статьи уделяет внимание шпионскому скандалу, который имел место на момент предстоящей встречи, что значительно затормозило процесс переговоров. Автором подробно изучены документальные материалы Государственного архива национальной безопасности США, что дало возможность осветить события 1986 г. более многогранно и точно. Статья содержит ссылки на публикацию докладных сообщений секретных служб США президенту, а также личное письмо М.С. Горбачева Р. Рейгану, которое в российском научном обороте существует только записанным со слов Михаила Сергеевича. Анализ встречи в Рейкьявике в 1986 г. проведен на основе англоязычных документов, а также архивного видеоматериала Президентской библиотеки им. Р. Рейгана. В статье также использованы мемуарные записи очевидцев саммита, что позволило проследить историко-психологические аспекты переговоров. При написании работы автором были использованы личный дневник президента Р. Рейгана и полное издание воспоминаний государственного секретаря Дж. Шульца, которые до сих пор не переведены на русский язык, что дало возможность приблизиться к истинной картине мотивов и опасений Белого дома накануне советско-американской встречи в 1986 г.

Ключевые слова: СССР, США, М.С. Горбачев, Р. Рейган, Дж. Шульц, Э. Шеварднадзе, Рейкьявик, Новое мышление, СОИ, ПРО, разоружение.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-83-95

«Дух Женевы» - устойчивое выражение, вошедшее в терминологию всеобщей истории после Второй мировой войны. 18-23 июля 1955 г. в столице Швейцарии встретились представители четырех государств: СССР, США, Великобритании и Франции, с целью снижения политической конфронтации на международной арене. «Дух Женевы» имеет позитивное значение, под этим понятием подразумевается дружественная обстановка встречи на высшем уровне с благоприятным и доверительным климатом для решения основных стратегических

вопросов мировой политики¹. Однако выражение чаще используют применительно ко встрече на высшем уровне 1985 г.², что обусловлено важностью первого шага на пути к завершению Холодной войны. Термин оставил за собой тот же шлейф оптимизма и «потепления» отношений между двумя конкурирующими государствами - США и СССР, но, по свидетельствам очевидцев, «дух Женевы» сошел на нет уже в начале 1986 г.

А.С. Черняев 24 ноября 1985 г. записал в своем дневнике: «Дух Женевы, знак Женевы. Интервью Горбачева – источник нового понимания политического мира и нас самих. Сумеем ли этим воспользоваться?

Труханович Екатерина Владимировна, аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского университета. E-mail: mskattrin@yandex.ru

Произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма»³. Под воздействием оптимистической атмосферы прошедшего саммита находились не только советские политические деятели. Дж. Шульц писал: «Успех Женевского саммита в ноябре все еще был у меня в голове, когда я смотрел в сторону 1986 года. [перевод Е.В.]»⁴. Однако его рассуждения о стратегическом разоружении свидетельствовали о том, что Соединенные Штаты не только поддерживали потепление на международной арене, но и сами были заинтересованы в разоружении. Шульц утверждал, что на момент президентства Рейгана Америка достигла пика финансирования оборонной промышленности, что постепенно начинало сказываться на социальной стабильности США. Также госсекретарь выразил мысль о том, что у команды Рейгана осталось двенадцать месяцев на план по сокращению СОВ, поскольку его срок на посту президента подходил к завершению, и в этот период им необходимо заключить договор с Советским Союзом, чтобы последний также сократил свое вооружение⁵. Несмотря на возможную опасность уничтожения Земли ядерным потенциалом двух стран, атомное оружие представляло собой «дорогое удовольствие» как для Америки, так и для Советов, поэтому можно смело утверждать, что разоружение было необходимым шагом на пути к балансу с экономической точки зрения.

Осознавая потребность расширения интеграционных советско-американских процессов на международной арене и важность регулярных встреч на высшем уровне, СССР и США допустили паузу в переговорах, которая плавно начала превращаться в тишину.

Переводчик-дипломат и личный свидетель всех встреч на высшем уровне периода 1985-1991 гг., П.Р. Палажченко, вспоминал,

как оптимистические разговоры после саммита в Женеве сходили на нет, не было подписано никаких обещанных дополнительных соглашений между США и СССР, период от Женевы к Рейкьявику можно назвать «а воз и ныне там» или, как выразился М.С. Горбачев, «пахло нафталином»⁶.

В середине 1986 г. переговоры советской и американской сторон становились все более неясными и отчужденными. «Женевского саммита как будто не было», – констатировал мемуарист⁷. В сложившейся ситуации М.С. Горбачев во время своего отпуска вместе с личным помощником А.С. Черняевым решил составить ответное письмо Рейгану лично, поскольку не мог принять версию, которую подготовил МИД. Главный посыл письма – необходимость личной встречи для завершения дискуссий по целому ряду сложнейших вопросов современности. «Первоначальная реакция американцев была осторожно-позитивной. Э.А. Шеварднадзе ехал в Нью-Йорк с еще одним письмом, в котором предлагались дата и место встречи (середина октября в Рейкьявике)»⁸.

К сожалению, произошел очень неприятный инцидент, который поставил возможность встречи под угрозу. Буквально за несколько дней до поездки нового министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в США, в Нью-Йорке был арестован Н. Захаров – сотрудник Секретариата ООН, представитель Советского Союза, заподозренный американцами в шпионаже. Подобная ситуация была чревата большим международным скандалом, она спровоцировала и ответные меры со стороны СССР. «Сразу же после этого в Москве был арестован корреспондент журнала U.S. News and World Report Николас Данилофф, давно работавший в Москве и имевший репутацию «чистого» (т.е. не связанного со спецслужбами) журналиста»⁹. По словам П.Р. Палажченко, Шеварднадзе отправлялся в поездку с мрачным настроением, его помощник был эмоционально возбужден и никаких оптимистических прогнозов дать не мог. В Нью-Йорке начались сложные длительные переговоры, которые

касались будущей встречи в Рейкьявике, условий договора, прочих международных дел, но одной из центральных тем, конечно, оставалась ситуация со шпионажем: «<<...>> не преувеличиваю – десятки часов ушли на беседы с Шульцем по урегулированию шпионского кризиса. <<...>> Было ясно, что либо разругаемся всерьез и надолго, либо найдем выход из положения»¹⁰. Итогами переговоров должна была стать абсолютно равная ситуация для двух стран, иначе будущие переговоры по разоружению не имели бы смысла. Дипломаты были включены в работу без перерывов, переводчики занимались не только синхронным и последовательным переводом общения представителей государств, но и обработкой записей переговоров для отправки в Москву, что на практике занимало гораздо больше времени, чем прямая обязанность переводчиков-дипломатов. Выспаться удавалось не всегда, это был настоящий марафон, но «<<...>> все <<...>> были в итоге довольны: дорога в Рейкьявик была открыта»¹¹.

Хотелось бы заострить внимание на письме Горбачева Рейгану, которое было отправлено из Москвы в Вашингтон 15 сентября 1986 г.¹² Шеварднадзе вручил его Рейгану 19 сентября. Согласно дневниковым записям, президент США был весьма озадачен и даже немного зол на то, что генеральный секретарь СССР открыто обвинял Америку в разжигании ненужного в советско-американских отношениях скандала¹³. Более того, скандал со шпионами он назвал инструментом усиления конфронтации и уничтожения доверия, которое зародилось в Женеве. Но главными мотивами письменного послания Михаила Сергеевича были три основных вопроса: 1) разоружение и готовность американской стороны к договорам по ПРО; 2) тотальная ликвидация советских и американских ракет в Европе; 3) мораторий на ядерные испытания¹⁴. М.С. Горбачев использовал дипломатический натиск и порой нарочно формулировал обращение к американскому президенту с прямотой и даже резкостью.

Далее в письме последовало приглашение Горбачева встретиться как можно скорее, прервав все свои текущие дела приехать для переговоров на один или два дня в Рейкьявик или Лондон. Рейган выбрал столицу Исландии¹⁵. Резкость высказываний генерального секретаря в письме была намеренной. На совещании с членами Политбюро и помощниками 22 сентября 1986 года, когда положительный ответ Рейгана был известен, Горбачев объяснил свою позицию относительно диалога СССР – США. Михаил Сергеевич подчеркнул необходимость очередного саммита, опровергая слова Добрынина о том, что он будет полезен только для американских партнеров. Также генсек подверг критике проект письма, который был прислан ему заместителем министра иностранных дел Ковалевым, обуславливая это тем, что черновик не соответствовал основной задаче советской линии в отношениях с Америкой – добиться продвижения в международном сотрудничестве. Завершая свое выступление на совещании с членами Политбюро, Горбачев открыто сказал, что добавил драматический мотив посланию Рейгану и четко сформулировал вопросы, которые собирается обсудить на предстоящем саммите. Объясняя свое решение, он подытожил: «<...> Пойдет он (Рейган – прим. Е.В.) на это, не пойдет – другое дело. Но мы американцам не можем предлагать такое, на что они заведомо не пойдут. Это не политика»¹⁶.

Началась тщательная подготовка пакета предложений по разоружению к саммиту в Рейкьявике. М.С. Горбачев прекрасно понимал, какие «подводные камни» существуют в отношениях между СССР и США; проблемы эти неминуемо должны были быть затронуты и в личных переговорах руководителей государств. Михаил Сергеевич в мемуарах упоминает одну из главных причин затруднения процесса переговоров по разоружению – милитаристский блок американских бизнесменов, которые были максимально заинтересованы в развитии и наращивании военного потенциа-

ла. Естественно, олигархический костяк не мог не влиять на государственный секретариат США, который всеми силами пытался препятствовать успешным переговорам об уничтожении ядерных вооружений¹⁷.

В Советском Союзе была сформирована группа специалистов по созданию поэтапной схемы переговоров и конкретному предложению разоружения, в нее входили: Э.А. Шеварднадзе, В.М. Чебриков, Л.Н. Зайков, С.Ф. Ахромеев, А.С. Черняев¹⁸.

Советский Союз со своей стороны выражал готовность сократить все виды вооружений ровно наполовину, это весьма смелый и по-настоящему решительный шаг в политике международных отношений. Советская сторона предлагала американцам ограничить Стратегическую Оборонную Инициативу рамками лабораторных исследований минимум на десять лет, к тому же продлить прежний договор Противоракетной обороны. Также предложение в себя включало сокращение ракет средней дальности до ста единиц¹⁹.

Но главная задача саммита, которая была сформулирована на заседании группы по подготовке к встрече в Рейкьявике 4 октября 1986 года, была озвучена Михаилом Сергеевичем: «<...> Наша цель – сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку. <...> Если начнется новый этап, давление на нашу экономику будет невероятное. Поэтому сорвать гонку – задача задач»²⁰.

Подготовка к саммиту американской стороной была весьма противоречива: Дж. Шульц упоминает тот факт, что во время подготовки к Рейкьявику ЦРУ смело распространяло идею о том, что Советский Союз имеет огромный военный потенциал, не изменяет своему курсу конфронтации и противоречит Американской линии по каждому международному вопросу²¹. Этой версией руководствовалось Центральное разведывательное управление США по той

причине, что имело патрона в виде министерства обороны, которое в свою очередь вероломно преследовало коммерческие цели увеличения оборонной промышленности. Разведывательная служба США предоставила докладную записку Рейгану накануне саммита в Рейкьявике о задачах и тактике, которую Горбачев выбрал для переговоров²². Доклад был подготовлен 4 октября 1986 г., в тот же день, когда и состоялось заседание группы по подготовке к встрече в Рейкьявике в Москве²³. ЦРУ проинформировало президента неверно. В служебной записке был представлен анализ специфического характера, который не отвечал реалиям. В докладе утверждалось, что Горбачев готов на максимальные уступки; Советская сторона готова к разоружению чуть ли не на любых условиях. В тексте доклада встречается характеристика Горбачева, которая включает в себя определения «застенчивый» и «нерешительный»²⁴. По какой причине произошел такой сбой в информировании 40-го президента США? Была ли дезинформация запланирована? С какой целью? Имеет ли к этому инциденту отношение советская контрразведка? На эти вопросы научным исследователям только предстоит дать ответы. Возможно, приоткрыв завесу тайны истории 1986 г., вскроются подробности интриг Белого дома, от которых, по сути, зависели мировая политика и окончание Холодной войны.

Однако в дневнике Рейгана на странице 4-5 октября 1986 г. отсутствует какая-либо отметка о том, что он ознакомился с докладом ЦРУ²⁵. Возможно, президент не обратил на служебную записку разведывательного управления должного внимания, поскольку имел собственные устойчивые взгляды на отношения с Советским Союзом, которые противоречили воззрениям ЦРУ и Пентагона. Подтверждением этой мысли служит запись Рейгана от 8 октября 1986 г.: ««Встреча в 8:30 с двухпартийными лидерами Конгресса, мною было сказано, что я хочу, чтобы они прекратили свои попытки ввода ограничений на мои полно-

мочия в отношении вооружения, при моей подготовке заключить соответствующие соглашения с Советским Союзом. Я думаю, что я выиграл»²⁶. [перевод Е.В.] Рейган прекрасно понимал, чего ждать от встречи в Рейкьявике, он был убежден, что основной темой Советов будет вооружение, но, будучи откровенным в дневниковых записях, он придерживался того мнения, что стоит «свернуть» с этой темы и перейти к обсуждению прав человека, Афганистана и т.д.²⁷ Возможно, быть уверенным в своих словах ему помог госсекретарь Шульц, который 4 октября того же года представил президенту развернутый аналитический доклад под грифом секретности, в котором подробно изложил приемлемую линию поведения Соединенных Штатов на саммите. Предложенная структура переговоров заключалась в следующем: максимально минимизировать значимость саммита в Рейкьявике и превратить его в подготовительную встречу к будущему саммиту в Вашингтоне, куда был приглашен Горбачев во время Женевских переговоров. Шульц приводит ту мысль, что главное – показать процесс взаимодействия с Советами, а не торопиться подписывать совместные договоренности. По утверждению госсекретаря, СССР ничего радикального предложить не мог, поэтому к серьезным шагам с американской стороны подготавливаться не приходится. Однако, как справедливо подчеркнуто в аннотации к документу Шульца в Национальном архиве безопасности, по иронии судьбы саммит в Рейкьявике оказался самым драматичным и значимым в советско-американских отношениях за весь период Холодной войны²⁸.

Сдержанный и уверенный тон докладной записки разнится с мемуарными свидетельствами госсекретаря. Дж. Шульц подробнейшим образом повествует в своих мемуарах о том, как осуществлялась подготовка к Рейкьявику и о самой встрече. Он утверждал, что на протяжении всего времени с тех пор, как было условлено место и дата переговоров, в атмосфере витало чувство неуверенности. По его словам, время шло

стремительно, встреча будто обрушилась на дипломатический аппарат США. Беспокоясь о внезапности саммита, Шульц волновался, что некоторые детали могут ускользнуть от него. На страницах книги «*Turmoil and triumph. My years as Secretary of State*» в разделе, посвященном Рейкьявику, нередко можно встретить фразу «до нас дошли слухи...», это свидетельствует о том, что США до сих пор находились в «подвешенном состоянии» относительно позиций Советского Союза, причиной тому могли служить различные факторы: недостаток обширности и глубины государственных дипломатических институтов советологии, недостаток информированности первых лиц государства относительно многогранности реальной ситуации, неорганизованность разведывательных спецслужб, конфронтация группировок внутри Конгресса США, а может – фактор недоверия Советскому Союзу. В подобном ритме невозможно было подготовить выверенных подписных документов, вероятно, поэтому Шульц выбрал тактику снижения значимости предстоящих переговоров. Несмотря на неуверенность Шульц все же твердо подытожил относительно подготовки: «Мы были готовы ко всему, безусловно, готовы уверенно выдвигать свои собственные позиции и реагировать на все, что Советы могли бы предложить. Этот саммит не будет обсуждаться заблаговременно. Но мы были готовы»²⁹. [перевод Е.В]

Начиная официальную часть переговоров, Горбачев взял первое слово и подчеркнул, что нынешний саммит является не стремлением реализации личных амбиций кого-либо из дипломатов, а важной предметной встречей на пути развития советско-американских отношений, от которых, в свою очередь, зависит безопасность в мире. Рейган согласился со сказанным и, продолжая начатую мысль, акцентировал внимание на том, что между Америкой и Советским Союзом отсутствует доверие на должном уровне для возможности совместного решения вопросов международного

характера. Также президент задался риторическим вопросом о способе исключения взаимной подозрительности. Генеральный секретарь повторил мысль, которую изложил в сентябрьском письме: никаких политических движений с американской стороны по основным вопросам, которые были обсуждены в Женеве, нет; что касается ядерной безопасности – США не было выдвинуто ни одного предложения, что очень беспокоит СССР³⁰.

Для ведения более предметного диалога Рейган в основном полагался на своих помощников, в частности на Дж. Шульца: последний был нужен президенту для того, чтобы разобраться с новыми нюансами предложения русских, а они, естественно, были, в тот же момент к беседе присоединился Шеварднадзе. Несмотря на радикальные предложения и остроугольные камни переговоров, атмосфера встречи была вполне естественной и комфортной для делового диалога³¹.

«Переговоры шли очень конкретно и достаточно жестко с обеих сторон, не говоря уже о том, что наша позиция на них определялась выработанными заранее директивами, утвержденными Политбюро, которые Горбачев никогда не нарушал (более того, иногда, как, например, в Рейкьявике, он шел по более жесткому варианту, чтобы прощупать партнера и оставить возможность для «конкретизации прорыва» на более позднее время, «когда пыль осядет». Что и произошло)», – вспоминает П.Р. Палажченко³².

В ходе переговоров Рейган держался непоколебимо относительно вопроса ПРО, П.Р. Палажченко вспоминал: «Большинство его аргументов носили нетехнический характер. Когда Горбачев спрашивал его, зачем нужна ПРО, если ядерное оружие будет, как хочет того сам президент, полностью уничтожено, Рейган отвечал, что это будет своего рода окончательная гарантия против какого-нибудь безумца, своего рода противогаз на всякий пожарный случай»³³.

Завершающий диалог переговоров был очень насыщенным и абсолютно открытым:

«<...> **Рейган.** Я хочу спросить – а я думаю, что это было очень хорошо, – что, к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т.д.?

Горбачев. Мы можем так и сказать, перечислить все эти вооружения.

Шульц. Давайте так и сделаем. <...>

Горбачев. Мы ведем разговор о том, чтобы испытания в рамках СОИ производились только в лабораториях. Мы не можем пойти на то, чтобы они вышли в атмосферу или в космос. Это для нас неприемлемо. Это вопрос принципа.

Рейган. Вы разрушаете мне все мосты к продолжению моей программы СОИ. Я не могу пойти на ограничения такого плана, как Вы требуете.

Горбачев. В отношении лабораторий. Это Ваша окончательная позиция? Если да, то тогда на этом мы можем окончить нашу встречу.

Рейган. Да, окончательная. Все дело упирается в то, что у нас с Вами существует разногласие относительно того, что разрешено Договором по ПРО, а что не разрешено. <...> Эксперименты, исследования не всегда могут оставаться в стенах лабораторий, иногда бывает просто необходимо выйти за их пределы.

Горбачев. Вопрос о лаборатории для нас – это не предмет упрямства или твердолобости. Это не казуистика. Все это слишком серьезно. Мы даем согласие на глубокие сокращения и в конечном счете уничтожение ядерного оружия. А в это же самое время американская сторона толкает нас на то, чтобы согласиться на предоставление ей права создавать космическое оружие. Для нас это неприемлемо. Если Вы согласитесь на ограничение исследовательских работ лабораториями, без выхода в космос, то тогда я буду готов через две минуты подписаться под соответствующей формулировкой и принять документ.

Рейган. А я не могу пойти на это. <...>

Неужели Вы ради одного слова в тексте отвергаете историческую возможность договоренности? Ведь из нашего текста ясно, что мы будем в течение всего этого срока соблюдать Договор по ПРО.

Горбачев. Вы говорите, что дело в одном слове. Но здесь дело не в слове, дело – в принципе. Ясно, что если мы идем на сокращения, нам необходимо иметь уверенные тылы. Мы не можем согласиться с тем, чтобы в период, когда будут осуществляться сокращения ядерного оружия, Вы расширяли бы свою СОИ, шли бы с ней в космос.

Если я вернусь в Москву и скажу, что, несмотря на договоренность о глубоких сокращениях ядерных вооружений, несмотря на наше согласие на 10-летний срок, мы дали Соединенным Штатам право испытывать СОИ в космосе, с тем чтобы к концу этого срока США были бы готовы к развертыванию, то меня назовут дураком, безответственным руководителем. <...>

Я не могу понять, как Вы можете просить согласия СССР на то, чтобы предоставить США в период глубоких сокращений и ликвидации ядерных вооружений право в течение 10 лет отрабатывать космическую ПРО в космосе, в полном объеме реализовывать СОИ, в то время как мы уничтожили бы наступательный ядерный потенциал. Это, если вдуматься, не должно устраивать даже США. Это создало бы нервозность, отсутствие доверия, и совершенно для нас неприемлемо. Вам бы такая услуга тоже была бы не нужна.

Рейган. Но если у нас не будет ядерного оружия, то нам нечем будет вам угрожать [*оригинал.* – прим Е.В.]. Оборонительная система могла бы быть развернута не раньше, чем через 10 лет, мы пошли на эту отсрочку. Что же касается слова «лаборатории», то у него есть свой особый смысл и подтекст. Мне просто сказали бы в таком случае, что я капитулировал, отдал то, что обещал не отдавать. Ведь все другие формулировки мы взяли у вас. Мы говорим, что будем соблюдать Договор по ПРО в течение 10 лет. И вот я вижу, что ничего не получается, и все из-

за одного слова, которое имеет такое специфическое значение. <...>

Я хочу еще раз попросить Вас изменить Вашу точку зрения, сделать это как одолжение для меня, с тем чтобы мы могли выйти к людям миротворцами.

Горбачев. Мы не можем пойти на то, что вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через 2 минуты подпишем документ. На что-то другое мы пойти не можем. На что могли – мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть.

Несмотря на то, что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал все что мог.

Рейган. Жаль, что мы расстаемся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю все-таки, что Вы не хотели достижения договоренности. Мне очень жаль.

Горбачев. Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договоренности и сделал для нее все что мог, если не больше»³⁴.

Считается, что последние фразы, приведенные в сборнике документов, что Рейган и Горбачев произнесли друг другу возле автомобиля, на котором президент Рейган должен был отправиться на встречу с журналистами. Место встречи с представителями СМИ для советского лидера находилось рядом с особняком, Горбачев смутно помнит эту десятиминутную прогулку, его одолевал рой мыслей, из которых выделялся главный вопрос: что сказать журналистам? Генсек прекрасно понимал, что люди по всему миру жаждали результатов саммита, в первую очередь – согласий СССР и США, которые бы разрядили международную обстановку. Сам Михаил Сергеевич возлагал большие надежды на эти переговоры, но оказалось, что результат даже не приблизился к его ожиданиям³⁵. Атмосфера царил молчаливая и мрачная, о чем можно судить, глядя на исторические фотоматериалы встречи³⁶. Огромный зал был заполнен журналистами. Советская делегация занимала места в президиуме напротив микрофонов, неторопливо раскладывая листы с

записями переговоров и черновики предполагаемых договоренностей. На кадрах видеосъемки видно, что улыбок на лицах представителей СССР нет. Горбачев выглядел немного растерянным, или лучше сказать – как человек, который глубоко погружен в свои мысли и аналитический процесс, не стремящийся маскировать свое состояние. В мемуарах он откровенно писал: «Я еще не определился до конца, как оказался в огромном зале пресс-центра, где делегацию ждали около тысячи журналистов. При моем появлении журналисты встали с мест и молча стоят. Этот беспощадный, нередко циничный, даже нахальный мир прессы смотрел на меня молча, из зала исходила тревога. Меня охватило глубокое волнение, может быть, больше... я был потрясен. В лицах этих людей передо мной как бы предстал весь человеческий род, который ждал решения своей судьбы. В это мгновение ко мне пришло истинное понимание того, что произошло в Рейкьявике и как нам надлежит действовать дальше»³⁷. Лидер СССР начал свою речь с длительного вступительного слова, в котором сперва извинился перед журналистами за задержку начала пресс-конференции по причине незапланированной длительности переговоров. Затем поблагодарил принимающую сторону в лице правительства Исландии за организацию саммита, подчеркивая, насколько важна эта встреча не только в динамике развития процесса взаимоотношений США и СССР, но и в ключе завершения Холодной войны и всеобщей истории в целом. Возможно, столь длинная вступительная речь лидера СССР была связана не только с канонами этики, но и с тем, что Горбачев как бы параллельно продолжал анализировать прошедшие переговоры и предпринимал попытку подвести итог саммиту в Рейкьявике. Генеральный секретарь СССР заявил, что саммит в Рейкьявике – это прорыв. Несмотря на то, что не было подписано никаких договоренностей, он утверждал, что наконец переговоры достигли той вершины, с которой четко видны масштабы работы

США и СССР относительно сотрудничества в вопросе ядерного разоружения.

Петербургский историк А.С. Пученков в своей статье «Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?» очень подробно излагает поэтапное развитие переговоров в Рейкьявике. В частности, автор уделяет большое внимание эмоциональному накалу страстей, что придает яркости и полноты историческому событию, происходившему осенью 1986 г. в столице Исландии. Ссылаясь на многочисленные мемуарные издания свидетелей событий, А.С. Пученков максимально позитивно подводит итог встречи на высшем уровне³⁸. С этим сложно спорить. Несмотря на то, что «рейкьявическая лодка разбилась о СОИ»³⁹, произошел прорыв в отношениях СССР и США: было преодолено недоверие; стало абсолютно ясно, что две сильнейшие державы мира связаны одной идеей – отказ от ядерного вооружения, и главная трудность состояла в том, что США и СССР видели разные пути к достижению поставленной цели.

Не все были довольны результатами саммита: как вспоминал П.Р. Палажченко, на следующий день после встречи «Меня пригласил в свой автомобиль Шеварднадзе. Я сразу заметил, что настроение у него неважное.

- Опять завязали пакет, – сказал он.

Дело в том, что директивы Политбюро предусматривали два варианта на случай, если не удастся договориться по всем пунктам. Или держаться позиции, что все – РСД, СНВ, ПРО – взаимосвязано и поэтому надо договариваться по всем вопросам, или «развязать пакет» и договариваться поэтапно, сначала по ракетам средней дальности. Горбачев решил пока не пускать в ход второй вариант. (Пакет был развязан в феврале)»⁴⁰.

В конце 1980-х, когда Шеварднадзе в Нью-Йорке встретился с Шульцем, который уже не занимал пост госсекретаря, П.Р. Палажченко запомнил их диалог. Бывший помощник Рейгана сказал: «Когда наши лидеры, каждый по-своему, заговорили о мире без ядерного оружия, эксперты счита-

ли, что они неправы, что это недостижимая цель. Но эксперты не поняли, что Рейган и Горбачев – лидеры, политики, которые почувствовали одну важную вещь: этого хотят люди, это отвечает их чаяниям»⁴¹.

«С высоты Рейкьявика стали видны перспективы решения таких проблем, как безопасность, ядерное разоружение, недопущение новых направлений гонки вооружений», – так оценил М.С. Горбачев октябрьскую встречу.⁴²

Однако на совещании Политбюро по итогам саммита Горбачев отметил не только положительные моменты относительно состоявшихся переговоров, он привел аргумент, который, по его мнению, стал камнем преткновения успешности встречи: «Я говорил тогда и сейчас убежден: неуспех Рейкьявика связан с двумя крупнейшими, стратегического характера заблуждениями, свойственными определенным кругам Запада.

Первое. Это что русские боятся СОИ и поэтому пойдут на любые уступки. И второе, что мы заинтересованы в разоружении больше, чем Соединенные Штаты. Такие настроения сказались и на ходе переговоров в Рейкьявике»⁴³. Это высказывание легло в основу подготовки к следующим встречам на высшем уровне.

С американской точки зрения, саммит в Рейкьявике рассматривался не столь оптимистично. По крайней мере первоначальный вердикт, который был выдвинут президентом Рейганом, содержал в себе следующее ключевое слово – «провал». В дневнике президента написана одна строчка от 13 октября 1986 года, которая содержит сухое напоминание расписания дня – речь на национальном телевидении по итогам саммита в Рейкьявике⁴⁴. Запись данного послания на сегодняшний момент находится на официальном канале библиотеки Рейгана на платформе видеохостинга Youtube⁴⁵. 40-й президент США подробнейшим образом описал политическую расстановку сил между Америкой и Советским Союзом. Затем акцентировал внимание зрителей на том, что подготовка к саммиту

длилась не один месяц, посредством встреч Шульца и Шеварднадзе, а также личной переписки между господином Горбачевым и президентом Рейганом. Рейган утверждал, что повесткой встречи на высшем уровне были различные темы: права человека, политическое влияние двух держав в Европе и Азии, проблема Афганистана, ситуация по Камбодже и т.д. Однако, по его словам, Советский Союз особенно настаивал на дискуссии по вопросу разоружения и возможности полного уничтожения ядерного оружия с лица Земли. Речь заняла более 19 минут в эфире американского телеканала, президент чуть ли не пересказал протокол заседания, обращая внимание слушателей на недостаток доверия между СССР и США, объясняя неуспех договоренностей. Президент откровенно признался перед своим народом в том, что возможное подписание соответствующих соглашений о разоружении в течение десяти лет противоречило его обещаниям американскому населению о программе СОИ, именно поэтому он не смог пойти на подписание предложенных Советским Союзом программ. Более того, по его словам, СОИ – это американский страховой полис и гарантия того, что Советы выполнят свои обязательства. Продолжая тему, Рейган заявил, что с оптимизмом воспринимает динамику потепления отношений с СССР, и придерживался мысли, что дальнейшие переговоры должны проходить в ключе осмотрительности, продуманности и прежде всего осознанного и реалистичного восприятия Советского Союза, учитывая различия тоталитаризма и демократии; без иллюзий воспринимать советскую политику и конечные намерения Советов. Главную цель международной политики президент видел в снижении напряженности в отношениях с Советским Союзом, поиске способа предотвращения войны и сохранения мира. Вместе с тем Рейган отметил, что не может дать никакого обещания, что переговоры с СССР неизбежно приведут к великим прорывам или важным договорам, поскольку безопасность страны является

приоритетом политики США. На момент 13 октября 1986 г. никаких четких условий о будущих встречах с господином Горбачевым еще не было, но Рейган выразил абсолютную готовность к последующим саммитам с заверением, что США продолжат переговоры с того места, на котором они остановились в Рейкьявике, не упустив ни одного пункта. В завершение своего послания Рейган вспомнил слова президента Трумэна о том, что человечество за короткий период времени пережило две самые страшные и разрушительные войны за всю историю и главной миссией правителей стран должна стать идея о мире и недопущении очередных военных конфликтов. Рейган присоединился к этому высказыванию Трумэна и пообещал, что будет делать все, чтобы мир стал более безопасным и свободным⁴⁶. [перевод Е.В.]

Государственный секретарь США Дж. Шульц дал высокую оценку встречи в Рейкьявике: «Достижения на саммите в Рейкьявике были больше, чем на любой предыдущей встрече между США и Советским Союзом, но в тогдашний момент в Исландии народ воспринял результаты как что-то близкое к катастрофе или похожее на фарс. С годами это восприятие превратилось в общепринятую истину.

В Рейкьявике Рейган и Горбачев договорились, что права человека станут регулярной и признанной частью нашей повестки дня. Они достигли основы для первого шага по 50-процентному сокращению советских и американских стратегических ядерных сил в течение пятилетнего периода - то, что другие считали невероятно амбициозным. <...>

Помимо этого, президент Рейган и Генеральный секретарь Горбачев продолжили обсуждение дальнейших шагов по укреплению глобальной стабильности. Президент Рейган предложил ликвидировать все баллистические ракеты в течение последующих пяти лет. Горбачев предложил ликвидировать все стратегические наступательные силы. Они говорили о возможной ликвидации всего ядерного оружия. Сам масштаб беседы был истори-

ческим, даже если и вызывал беспокойство у тех, кто не мог смириться с таким радикальным изменением ядерного баланса. Рейкьявик был самой замечательной встречей сверхдержав, когда-либо проводившейся»⁴⁷. [перевод Е.В.]

Ближайший соратник и помощник Рейгана Джек. Ф. Мэтлок подвел итог встречи в Рейкьявике не с политической точки зрения, а с точки зрения личностного взаимодействия двух лидеров. Мэтлок подчеркивает, что Горбачев и Рейган были в шаге от подписания договоренностей по уничтожению ядерных боеголовок в ближайшие десять лет, но камнем преткновения явились принципиальные взгляды обеих сторон на процесс реализации возможного договора. Несмотря на неуспех соглашений Мэтлок уверен в том, что именно в Рейкьявике президент и генеральный секретарь четко увидели позиции друг друга относительно разоружения – и Горбачев, и Рейган были убеждены в необходимости сближения политики двух стран в стремлении к снижению ядерной угрозы в мире⁴⁸.

Действительно, многие специалисты-политологи, журналисты и исследователи истории советско-американских отношений сходятся во мнении, что Рейкьявик – это самая знаковая точка в процессе политического диалога СССР и США в эпоху завершения Холодной войны.

Петербургский историк М.Ф. Польшов является автором первого исследования истории международных отношений эпохи перестройки. Матвей Федорович рассмотрел внешнюю политику Горбачева, опираясь на мемуары свидетелей событий конца 1980-х гг. – начала 1990 гг. в большей степени на русском языке. К сожалению, та картина, которая представлена в монографии «Внешняя политика Горбачева 1985-1991 гг.» иллюстрирует ситуацию окончания Холодной войны с односторонней точки зрения. Во многом М.Ф. Польшов, рассматривая события внешней политики Михаила Сергеевича, ссылается на воспоминания «старой гвардии» - государственных

деятели, которые переживали пик политической карьеры еще при Брежневе. Возможно, данный фактор повлиял на весьма субъективные выводы о деятельности генерального секретаря, который имел иные политические взгляды и реализовывал политику нового мышления, которая, в свою очередь, не находила отклика в убеждениях соратников Брежнева. Еще одним фактором однобокости исследования является отсутствие использования многообразия американских источников и литературы на английском языке. Тем не менее автор придерживается той точки зрения, что саммит в Рейкьявике превратил советско-американские отношения в предметный политический диалог⁴⁹.

А.С. Пученков в своей подробной статье, посвященной саммиту в Рейкьявике, использовал не только мемуарные свидетельства участников встречи на высшем уровне, но и интервью П.Н. Палажченко, А.М. Белонного (постоянный представитель СССР при ООН в 1986 -1990 гг. – прим. Е.В.), А.А. Бессмертных (заместитель министра иностранных дел СССР в 1986 г. – прим. Е.В.), из собственного архива. Также автором были использованы газеты, воспоминания, биографии как на русском, так и английском языках, что способствовало более точному воспроизведению канвы происходившего накануне и в период саммита в Рейкьявике. Александр Сергеевич дает высокую оценку дипломатических достижений этой встречи. По его мнению, разность взглядов США и СССР на процесс контроля за ядерным вооружением привела к более доверительному и открытому диалогу, который способствовал прорыву во взаимоотношениях двух держав⁵⁰.

А.С. Барсенков – профессор МГУ, специалист новейшей истории России, также занимается изучением политики Горбачева, однако внешняя политика лидера СССР не является центром научных интересов исследователя⁵¹.

Р.А. Медведев⁵², Р.Г. Пихоя⁵³ затрагивали в своих трудах тему политики

Горбачева, однако утверждать, что в их монографиях была представлена какая-либо концепция взаимоотношений США и СССР, не приходится.

Саммит в Рейкьявике – поворотный пункт в международных отношениях XX века. Трудно спорить с тем фактом, что на протяжении почти пятидесяти лет страны всего мира вели свою международную политику с оглядкой на действия США и СССР. Мир был разделен на два противоборствующих лагеря – коммунистический и капиталистический. Встреча на высшем уровне 11-12 октября 1986 г. в столице Исландии сделала мир более безопасным в том смысле, что Советский Союз и Соединенные Штаты не просто признали недопустимость ядерной войны, а начали предпринимать реальные шаги на пути к уничтожению смертоносного военного потенциала на Земле. Встреча не была завершена подписанием договора, однако обе стороны увидели тот путь, по которому стоит следовать, чтобы добиться одной и той же цели – сохранить мир. С октября 1986 г. по декабрь 1987 г. американские и советские дипломаты были заняты титаническим трудом по подготовке документации к очередному саммиту.

Следующая встреча Горбачева и Рейгана 7-10 декабря 1987 года состоялась в Вашингтоне и завершилась подписанием Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Подписанные соглашения напрямую связаны с политической обстановкой в мире на сегодняшний день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наша газета. Шестидесятилетие «духа Женевы» [Электронный ресурс] // <https://nashagazeta.ch/news/politique/20004> (дата обращения 13.07.2021).

² New York Times. The spirit of Geneva. Nov. 22, 1985. [Электронный ресурс] // <https://www.nytimes.com/1985/11/22/opinion/the-spirit-of-geneva.html?searchResultPosition=2> (дата обращения 13.07.2021).

³ Дневники А.С. Черняева. Советская политика 1972-1991 гг. – взгляд изнутри. [Электронный ресурс] // https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_

- files/Chernyaev/1985.pdf С. 72-73. (дата обращения 13.07.21).
- ⁴ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 916.
- ⁵ Ibid. P. 916.
- ⁶ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. М.: АНО РИД «Новая газета», 2020. С. 110.
- ⁷ Там же. С. 113.
- ⁸ Там же. С. 114.
- ⁹ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 114.
- ¹⁰ Там же. 116.
- ¹¹ Там же. С. 116.
- ¹² The National Security Archive. The Reykjavik File Previously Secret Documents from U.S. and Soviet Archives on the 1986 Reagan-Gorbachev Summit. Document 1. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 14.07.21).
- ¹³ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P.1324-1325
- ¹⁴ The National Security Archive. The Reykjavik File Previously Secret Documents from U.S. and Soviet Archives on the 1986 Reagan-Gorbachev Summit. Document 1. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 14.07.21).
- ¹⁵ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P. 1324.
- ¹⁶ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С. 166-167.
- ¹⁷ Горбачев М.С. Остаюсь оптимистом. М.: АСТ, 2017. С. 197.
- ¹⁸ Горбачев М.С. В меняющемся мире. М: Изд. АСТ, 2018. С. 53-54.
- ¹⁹ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 119.
- ²⁰ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С. 168-169.
- ²¹ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 945.
- ²² The National Security Archive. «Gorbachev's Goals and Tactics at Reykjavik»; National Security Council (Stephen Sestanovich), 4 October 1986, 2 pp. Document 6. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 16.07.21).
- ²³ Там же. С. 167-169.
- ²⁴ Ibid. The National Security Archive. Document 6.
- ²⁵ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P. 1334.
- ²⁶ Ibid. P. 1336.
- ²⁷ Ibid. P. 1335.
- ²⁸ The National Security Archive. Memorandum to the President, Secretary of State George Shultz, «Subject: Reykjavik», 2 October 1986, 4 pp. Document 4. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 16.07.21).
- ²⁹ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 998.
- ³⁰ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М.: Весь мир, 2010. С. 171.
- ³¹ Там же. С. 118-120.
- ³² Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) С. 271.
- ³³ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 120.
- ³⁴ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М.: Весь мир, 2010. С. 175-177.
- ³⁵ Горбачев М.С. В меняющемся мире. М: Изд. АСТ, 2018. С.58 -59.
- ³⁶ Горбачев М.С. В меняющемся мире. М: Изд. АСТ, 2018. (вкладыш).
- ³⁷ Там же. С.59.
- ³⁸ Пученков А. С. Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал? // Российская история. 2020. №6. С.17-29.
- ³⁹ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 122.
- ⁴⁰ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 124.
- ⁴¹ Там же. С. 122.
- ⁴² Горбачев М.С. Остаюсь оптимистом. – М.: АСТ, 2017. С. 202
- ⁴³ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М.: Весь мир, - 2010. С. 178.
- ⁴⁴ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P. 1340.
- ⁴⁵ Regan Library. President Reagan's Address to the Nation on Meetings with Gorbachev

- in Iceland, October 13, 1986 [Электронный ресурс] // https://www.youtube.com/watch?v=CDi5g_9j9HM&list=PLEL2J-7BrhetHJuh2ncn9QB0n4vxO-Ok_&index=18 (дата обращения 23.07.21).
- ⁴⁶ Regan Library. President Reagan's Address to the Nation on Meetings with Gorbachev in Iceland, October 13, 1986 [Электронный ресурс] // https://www.youtube.com/watch?v=CDi5g_9j9HM&list=PLEL2J-7BrhetHJuh2ncn9QB0n4vxO-Ok_&index=18 (дата обращения 23.07.21).
- ⁴⁷ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 1029-1030.
- ⁴⁸ Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 157-158.
- ⁴⁹ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачева. 1985 - 1991 гг. СПб., 2014. 502 с.
- ⁵⁰ Журнал: Российская история. №6. 2020. А.П. Пученков «Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?» С. 17-29.
- ⁵¹ Барсенков, А.С. «Новое мышление во внешней политике СССР (1985–1991) / А.С. Барсенков // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №1. С. 41-73 URL: <https://rucont.ru/efd/485548> (дата обращения: 30.07.2021).
- ⁵² Медведев Р.А. Советский Союз: Последние годы жизни – М.: Время, 2015. 416 с.
- ⁵³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М.: РАГС, 1998. 734 с.

THE 1986 SOVIET-AMERICAN SUMMIT IN REYKJAVIK

© 2022 E.V. Trukhanovich

St. Petersburg State University

The article is devoted to one of the most important summits at the highest level at the end of the Cold War. During the implementation of the renewed Soviet international policy of New Thinking, the American side was apprehensive about taking reciprocal steps aimed at breaking the bipolar structure of the world. Many obstacles had to be overcome by both the USSR and the USA: mutual distrust that had been developing for several decades, insufficient coordination within the administrations of diplomatic missions, loud statements by independent American media, contradictory situations in the intelligence services, etc. The author of the article pays attention to the espionage scandal that took place on the eve of the upcoming meeting, which significantly slowed down the negotiation process. She has studied in detail the documentary materials of the US State Archive of National Security, which provided an opportunity to cover the events of 1986 in a more multifaceted and accurate way. The article contains references to the publication of US intelligence reports to the president, as well as a personal letter from Mikhail Gorbachev to R. Reagan, which is known to the Russian scientific world only as recorded from Gorbachev's words. An analysis of the 1986 Reykjavik meeting is based on English-language documents as well as archival video materials from the Reagan Presidential Library. Memoirs of eyewitnesses of the summit made it possible to trace the historical and psychological aspects of the negotiations. The author used the personal diary of President R. Reagan and the complete edition of the memoirs of Secretary of State J. Schultz, which have not yet been translated into Russian, that made it possible to give a more accurate picture of the motives and fears of the White House on the eve of the Soviet-American meeting in 1986. *Keywords:* USSR, USA, M.S. Gorbachev, R. Reagan, J. Schultz, E. Shevardnadze, Reykjavik, New thinking, Strategic Defense Initiative, missile defense, disarmament.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-83-95